

Стрелец М.В.
(Брест, Беларусь)

УДК 316.03

ПРАВООЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР В ЭПОХУ Л. И. БРЕЖНЕВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ¹

Ключевые слова: демократия, диссидентство, политика, правозащитное движение, репрессии, Солженицын, СССР, тоталитаризм.

Аннотация: в статье прослеживается история правозащитного движения в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) в период, когда этой страной руководил Леонид Ильич Брежнев. Автор излагает мотивы обращения к данному периоду, выделяет основные этапы в развитии этого движения в эпоху Л. И. Брежнева, рассматривает их в интерьере советских и международных реалий, обращает внимание на ключевые события, относившиеся к каждому этапу.

В публикации показано, что именно в эпоху Л. И. Брежнева четко прослеживались и становление правозащитного движения в стране, и признание его на международном уровне, и, несомненно, продуктивный этап деятельности его организационных структур, которые обрели реальные очертания под влиянием хельсинкского процесса, и его резкий спад в результате энергичных действий репрессивной машины советской тоталитарной системы. Первый этап датирован 1964–1967 годами, второй – 1968–1975, третий – 1976–1982.

Пик славы Александра Исаевича Солженицына как советского писателя и пик гонений на него как диссидента и правозащитника пришелся на времена Л. И. Брежнева. После начала вынужденной эмиграции великого писателя его идеи по-прежнему входили в ключевой сегмент мировоззренческих устоев открытых оппонентов брежневского режима внутри СССР, которые своевременно заметили первые симптомы системного кризиса советского общества, генетически связанные с распадом СССР. Именно при Л. И. Брежневе четко прослеживались и становление правозащитного движения в данной стране, и признание его на международном уровне, и, несомненно, продуктивный этап деятельности его организационных структур, которые обрели реальные очертания под влиянием хельсинкского процесса и стремились действовать в гармонии с ним, и его резкий спад в результате энергичных действий репрессивной машины советской тоталитарной системы. Поэтому есть смысл отдельно рассмотреть правозащитное движение в СССР в тот период, когда этой страной руководил Леонид Ильич Брежнев.

Осенью 1964 года в СССР произошла не просто смена высшего государственного руководства, а смена эпох. Реальное поведение нового лидера и его приближения свидетельствовало о том, что наступил конец «оттепели», которую вполне обоснованно можно связывать с именем его предшественника – Никиты Сергеевича Хрущёва. «Приход к управлению страной брежневского руководства ознаменовал... нарастание противоречий и диспропорций во всех сферах жизни общества. 1964–1967 годы можно определить как начальный этап

¹ Стрелец, М.В. Правозащитное движение в СССР в эпоху Л. И. Брежнева: некоторые аспекты истории / М. В. Стрелец // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. Научный журнал. – 2013. – № 3 / 40. – С. 77–88.

диссидентского и правозащитного движения, когда основной формой деятельности были протесты и обращения в адрес высшего политического руководства страны и правоохранительных органов. Инакомыслящие стремились остаться свободными людьми в несвободной стране» [3].

Причиной первого известным историкам выступления правозащитников в эпоху Л. И. Брежнева стал совместно написанный А. Синявским и Ю. Даниэлем и опубликованный на Западе солидный труд советских литераторов «Прогулки с Пушкиным». В выходных данных они предстали не под своими именами, а под псевдонимами. За публикацией, вызвавшей широкий резонанс в обществе, последовала реакция советской репрессивной машины – арест авторов и подготовка суда над ними. В День Конституции СССР, то есть 5 декабря 1965 года, группа людей «впервые вышла на демонстрацию... с лозунгами: «Уважайте советскую Конституцию!» и «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем» [1]. Эти люди тогда еще не знали, что они правозащитники.

Участники анализируемого движения руководствовались четкими и ясными принципами. Так, Л. М. Алексеева свидетельствовала: «Первый и самый главный принцип, который начали исповедовать правозащитники и который до сих пор очень твердо присутствует в уже российском правозащитном движении, – это не насилие. Даже свои принципы, даже все самое для нас дорогое мы не намеревались утверждать с помощью силы. Почему? Я думаю, что это было отвращение к насилию, порожденное всем тем отрезком советской истории, в котором протекала не только наша жизнь, но и жизнь наших родителей. Еще очень важным и неожиданным моментом по сравнению с предыдущими периодами была открытость нашего движения. Новым было то, что критика власти велась на языке права. Это, действительно, была абсолютная новость в советской действительности, потому что все знали, что Конституция есть, в Конституции написаны прекрасные вещи, мы поем песни, что человек всегда имеет право на обучение, отдых и на труд и «ни в одной стране человек так свободно не дышит», как в «широка страна моя родная». Но мы знали, что закон – это одно, а наша жизнь – совсем другое» [1].

Разрыв между закрепленными в Конституции правами и реальностью наиболее болезненным, конечно, оказался для субъектов творческого процесса, которые целенаправленно стремились выдавить из себя раба. Так, произведения А. И. Солженицына, в которых прослеживалось такое стремление, в анализируемый период не доходили до советского читателя, и, естественно, жертва соответствующих запретов коммунистической номенклатуры не могла не поставить вопрос о реальных правах для тех, кто реализует себя в этом процессе, и прежде всего праве творить в условиях отсутствия цензуры. Последний весенний месяц 1967 года отмечен в биографии писателя письмом к четвертому по счету съезду писателей страны, которая официально жила по нормам Конституции 1936 года. Однако основная часть делегатов писательского форума подпадала под типичную характеристику *homo soveticus*, что исключало позитивный настрой съезда. Более того, было ясно, что в скором времени одним членом Союза писателей СССР станет меньше (А. И. Солженицын окажется вне данного Союза уже в следующем году).

В силу сложившихся обстоятельств Александр Исаевич стал одним из ключевых авторов интеллектуальной продукции, появлявшейся в самиздате. Имен-

но в указанный период «сеть распространения самиздата стала каркасом правозащитного движения. Самиздатские каналы послужили связующими звеньями для организационной работы» [1].

Необходимо также отметить, что в те годы накапливался первый опыт работы самиздата.

«Следующий период (1968–1975) в развитии диссидентского и правозащитного движения совпал с удушением процесса демократического обновления, приостановкой всяких попыток преобразования политических институтов, погружением политической жизни в состояние застоя. С 70-х гг. отчетливо обозначились застойные явления в экономике, культуре, социальном развитии. Этим процессам диссиденты противопоставили укрепление организационных основ своего движения и расширение его творческих возможностей.

В этот период возникли официально оформленные, легальные правозащитные организации: Инициативная группа защиты прав человека в СССР (действовала с мая 1969 г.), Комитет прав человека (с ноября 1970 г.)» [3].

Инициативная группа представляла собой первый опыт соответствующей организационной структуры. Но поистине прорывным явилось функционирование Комитета. «Комитет прав человека был первой независимой общественной ассоциацией в Советском Союзе, получившей международное членство: в июне 1971 г. он стал филиалом Международной Лиги прав человека – неправительственной организации, имеющей консультативный статус при ООН, ЮНЕСКО и МОТ. Комитет вошел также как коллективный член в Международный институт права, возглавляемый Рене Кассеном (Страсбург). Члены Комитета поддерживали регулярные отношения с международными организациями по телефону, получали их документы и отправляли им свои» [1].

«Правозащитникам удалось резко увеличить распространение самиздата, принципиально изменив этот процесс. Единичные случаи передачи рукописей на Запад они превратили в систему, отладили механизм «самиздат – тамиздат – самиздат» (тамиздатом стали называть книги и брошюры, отпечатанные за рубежом и возвращающиеся в таком виде в СС» [1]. Самиздатчики приобрели большую популярность и начали восприниматься коммунистической номенклатурой как мощный конкурент на пропагандистском поле.

В анализируемый период Солженицын явно лидировал по количеству изданий своих работ за рубежом. «В 1968 году в США и Западной Европе были без разрешения автора опубликованы романы «В круге первом» и «Раковый корпус», принёсшие писателю популярность. 11 июня 1971 года в Париже вышел роман Солженицына «Август Четырнадцатого», в котором ярко выражены православно-патриотические взгляды автора. 5 сентября 1973 года Солженицын распорядился начать печатание «Архипелага ГУЛАГа» на Западе (в эмигрантском издательстве ИМКА-Пресс). Реальное содержание «Архипелага ГУЛАГа»: художественное исследование советской лагерно-тюремной системы 1918–1956 годов» [10].

«Книга, вызвавшая самый сильный резонанс за всю историю самиздата, – «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына – появилась в разгар наступления КГБ против самиздата, и выход ее в свет оказался в непосредственной связи с этим наступлением.

Оценивая воздействие «Архипелага», советский историк Рой Медведев написал: «Думаю, мало кто встанет из-за стола, прочитав эту книгу, таким же, каким он раскрыл ее первую страницу. В этом отношении мне просто не с чем сравнить книгу Солженицына ни в русской, ни в мировой литературе» [6].

«Архипелаг ГУЛАГ» сыграл огромную роль в привлечении внимания международной общественности к одной из кардинальных проблем, поднятых правозащитниками, – к политическим преследованиям в СССР и условиям содержания политзаключенных» [2].

Освещая вопрос о самиздате в указанный период, важно также обратить внимание на то, какое место в нем занимала «Хроника текущих событий». Рассматривая ее в реалиях того времени, прежде всего отметим, что «с 1968 года петиционные кампании (советских правозащитников – М.С.) перешли в новое качество: протестующие апеллировали уже не только к советским официальным органам, но и к общественному мнению, требуя соблюдения прав человека, гарантированных Конституцией СССР. К московским активистам протестного движения хлынул поток сообщений о самых разнообразных случаях нарушения этих прав. По этим материалам начал издаваться специальный машинописный информационный бюллетень – «Хроника текущих событий» (1-й выпуск «Хроники» датирован 30 апреля 1968, последний, 64-й, – октябрём 1983). С возникновением «Хроники» акции протеста быстро приобрели черты общественного правозащитного движения» [4].

Конечно, правозащитники понимали, что эффективность их борьбы во многом зависит от содержания затрагиваемых вопросов. «Тематика правозащитных выступлений постоянно расширялась. Московские правозащитники освещают такие проблемы, как положение политических заключенных в СССР; борьба «репрессированных народов» за свои права; гонения на верующих; преследования за попытки политической деятельности; свобода эмиграции из СССР. Московские правозащитники установили тесные информационные связи с активистами национальных движений на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии. Не осталась за рамками их внимания и внешняя политика: одно из самых ярких выступлений правозащитников – «демонстрация семерых» – на Красной площади 25 августа 1968 сразу после вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию» [4].

Принципиально важно отметить, что в первые годы у советского правозащитного движения не было разработанной идеологической основы. С течением времени этот пробел был восполнен Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Александром Исаевичем Солженицыным. Они вынесли на суд правозащитного сообщества три интеллектуальных продукта программного характера. Первый назывался «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» и принадлежал крупнейшему ученому-физику, лауреату Нобелевской премии мира А. Д. Сахарову. Второй и третий были известны как «Жить не по лжи», «Письмо вождям Советского Союза», ставшие важной вехой в развитии социально-политической концепции лауреата Нобелевской премии по литературе А. И. Солженицына.

«Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» датируются 1968 годом. Сформулированные в настоящем трактате базовые положения сохранялись в концепции Сахарова до конца его жизни, кар-

динальных же изменений в его взглядах не прослеживалось, имели место лишь некоторые модификации.

«Жить не по лжи» – публицистическое эссе Александра Солженицына, обращенное к советской интеллигенции. Тематически оно примыкает к вышедшим в том же году эссе «На возврате дыхания и сознания», «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», «Образованщина» (сборник «Из-под глыб»).

«Жить не по лжи» было написано 12 февраля 1974 года, а уже 18 февраля 1974 года было опубликовано в лондонской газете «Daily Express». В СССР оно распространялось через самиздат, а официально впервые было опубликовано 18 октября 1988 года в киевской многотиражке «Рабочее слово».

Солженицын в этом эссе призывал каждого поступать по совести, не высказывать ни устно, ни письменно ни единой фразы, «искривляющей правду», не цитировать ни единой мысли, которую искренне не разделяет, не участвовать в политических акциях, которые не отвечают твоим желаниям, не голосовать за тех, кто недостойн быть избранным. Кроме того, Солженицын предлагал наиболее доступный, по его мнению, способ борьбы с режимом: «Самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь всё покрывает, всем владеет, но в самом малом упрётся: пусть владеет не через меня!» [5].

«Письмо вождям Советского Союза» было составлено еще до ареста и высылки летом 1973 года и отправлено в ЦК КПСС 5 сентября. Позднее оно было обнаружено среди архивных материалов с пометками многих высших советских руководителей, поскольку Л. И. Брежнев велел К. У. Черненко ознакомить с письмом Солженицына всех членов Политбюро. Сам Брежнев впервые прочел это письмо в октябре и вновь просмотрел в конце декабря 1973 года. Непосредственно же на заседаниях Политбюро письмо Солженицына не обсуждалось, и он, конечно, не получил на него никакого ответа.

Полный текст «Письма вождям» был опубликован в Париже в марте 1974 года в форме небольшой брошюры на русском языке и почти сразу же переведен на многие языки мира» [6].

Следует иметь в виду, что идеология правозащитного движения не представляла собой механического соединения идей, сформулированных в указанных работах. Их авторы по одним позициям выступали единомышленниками, по другим – оппонентами.

Солженицын изложил свои замечания по меморандуму «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» в письменной форме и передал их лично Сахарову, но в Самиздат не пустил. Это было обширное письмо, занимавшее двадцать с лишним страниц и начинавшееся с самых высоких похвал Сахарову, чье бесстрашное и честное выступление является «крупным событием современной истории». Солженицыну, однако, не нравилось, что Сахаров осуждал в своем трактате лишь сталинизм, а не всю коммунистическую идеологию, ибо «Сталин был хотя и очень бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель духа ленинского учения». Нет, по мнению Солженицына, и никакой «мировой прогрессивной общественности», к которой обращался Сахаров. Нет и не может быть «нравственного со-

циализма»: «в превознесении социализма Сахаров даже и чрезмерен». Все это «гипноз целого поколения». Упускает Сахаров значение в нашей стране «живых национальных сил и живучесть национального духа», а все сводит к научному и техническому прогрессу. Нелепы и надежды на конвергенцию: эта перспектива «довольно безотраднa: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? – общество, безнравственное вперекрест». Не спасет Россию и интеллектуальная свобода, как не спасла она Запад, который «захлебнулся от всех видов свобод и предстанет сегодня в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой» [5].

А. Д. Сахаров полностью соглашался с тем, чтобы «жить не по лжи», демонстрировал готовность подписаться под каждой строкой соответствующего эссе А. И. Солженицына, солидаризировался с его стремлением преодолеть тоталитарную сущность советских социально-политических реалий. Вместе с тем будучи атеистом, убежденным интернационалистом, одинаково отвергая как тоталитаризм, так и авторитаризм, лауреат Нобелевской премии мира четко сформулировал основные расхождения с Солженицыным и его последователями в ответе на «Письмо вождям Советского Союза»: «Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не созрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития» [9].

На призыв Солженицына к изоляционизму Сахаров отвечает призывом к укреплению международного сотрудничества: «Я возражаю против стремления отгородить нашу страну от якобы тлетворного влияния Запада. Я глубоко убежден, что нет ни одной важной ключевой проблемы, которая имеет решение в национальном масштабе. Только в глобальном масштабе возможны разработка и осуществление стратегии развития человеческого общества на Земле, совместимое с продолжением существования человечества. Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции» [9].

Сахаров утверждал, что «националистическая и изоляционистская направленность мыслей Солженицына, свойственный ему религиознопатриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам. В значительной части русского народа и части руководителей страны существуют настроения великорусского национализма, сочетающиеся с боязнью попасть в зависимость от Запада и с боязнью демократических преобразований. Попав на подобную благоприятную почву, ошибки Солженицына могут стать опасными» [2].

Расхождения между Сахаровым и Солженицыным – это расхождения между западниками и «почвенниками» в советском правозащитном движении, идейными отцами которых они являлись. Заслуги представителей каждого из этих течений в борьбе с тоталитарным режимом бесспорны. Вместе с тем мы полностью присоединяемся к предупреждению Сахарова насчет «очень существенных ошибок» своего оппонента. Эти предупреждения актуальны и поныне.

В анализируемый период стало обретать реальные очертания принципиально новое направление по оказанию материальной помощи советским правоза-

щитникам, ставшим политическими заключенными. Именно тогда Солженицын «летом 1974 года на гонорары от романа «Архипелаг ГУЛАГ» создал «Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям» для помощи политическим заключённым в СССР (посылки и денежные переводы в места заключения, легальная и нелегальная материальная помощь семьям заключённых)» [10].

«Фонд продолжил, систематизировал и ввёл в организационные рамки начавшийся в 1966 году стихийный и спонтанный сбор денег для помощи людям, подвергающимся политическим преследованиям (в первую очередь – семьям политзаключённых). Одновременно создание Фонда «явочным порядком» восстанавливало дореволюционную традицию помощи политическим заключённым, продолжавшуюся в первые десятилетия советской власти и прерванную лишь в 1937 году закрытием легально действовавшего Комитета помощи политзаключённым («Помполита») Е. П. Пешковой» [8].

Третий период в истории правозащитного движения в СССР в эпоху Л. И. Брежнева датируется 1976–1982 годами. Его ключевым событием явилось подписание Советским Союзом 1 августа 1975 года «Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки», в соответствии с требованиями которого СССР взял на себя обязательства о соблюдении прав человека в стране. В связи с этим у движения появилась юридическая основа для дальнейшей деятельности и оно становится «правозащитным» в фактическом понимании этого слова» [7].

12 мая 1976 года на пресс-конференции, созванной А. Д. Сахаровым, профессор Юрий Орлов объявил о создании группы содействия по выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (или, как ее стали называть, Московской Хельсинкской группы – МХГ). Появление МХГ и волна поддержки ее и в СССР, и на Западе дает основание этот новый период правозащитного движения назвать «хельсинкским» [2].

В учредительном заявлении МХГ относительно содержания всех статей данного документа указывалось, что она ограничивает свою деятельность гуманитарными статьями Заключительного акта и что она будет принимать от граждан информацию о нарушениях этих статей, составлять на этой основе документы и знакомить с ними общественность и правительства стран, подписавших Заключительный акт [2].

Разумеется, группа относилась дифференцированно к субъектам подписания Акта, поскольку, во-первых, одни из них были подлинно демократическими и соблюдали права человека, другие были тоталитарными и имели имманентно присущие существующей системе проблемы, связанные с правами человека, во-вторых, дифференциация коснулась и исключительно тоталитарного лагеря, не все государства которого голосовали в Организации Объединенных Наций за принятие Всеобщей декларации прав человека. Та же ситуация прослеживалась и в отношении Международных пактов по гражданским и политическим правам, имевшим, кстати, важное значение для советского правозащитного движения в эпоху Л. И. Брежнева.

С учетом указанной дифференциации «МХГ призывала общественность других стран создать такие же группы. Но первый отклик пришел не из-за рубежа, а от сограждан из нерусских республик» [2].

Данный отклик был органически связан с явным нарастанием анализируемого движения за пределами столицы СССР, с объединением правозащитного движения с национальными и религиозными, проходившими «под лозунгом, выдвинутым Московской Хельсинкской группой: гражданские свободы, перечисленные в гуманитарных статьях Заключительного акта. Вырисовывалось нечто вроде народного фронта под хельсинкским флагом. Правозащитная идеология продемонстрировала способность стать основой организованного движения, включающего все социальные слои советского общества» [2].

Можно однозначно утверждать, что «Московская Хельсинкская группа оказалась зернышком, из которого выросло международное хельсинкское движение. Его смысл – «в подтягивании» положения с правами человека до стандарта, определенного Заключительным актом, в странах, где оно ниже этого стандарта» [2].

Вновь отметим, что всё это было наименее актуально для стран традиционной демократии. Что же касалось стран социалистического лагеря, то группы по образцу МХГ были наиболее эффективны в тех из них, где сохранились остатки гражданского общества. Такого рода группы генетически связаны с рядом организаций, которые сыграли важную роль в ходе народно-демократических революций в Центральной и Восточной Европе в 1989–1990 годах.

Реальный размах правозащитного движения повлиял на поиск властями наиболее изощренных форм противодействия этому движению. При этом коммунистическая номенклатура стала прибегать к чудовищной клевете, приписывая правозащитникам преступления, которые они не только не совершали, но и принципиально осуждали. Приведем наиболее известный пример этой тактики: «8 января 1977 г. в московском метро произошел взрыв, были человеческие жертвы. Советские источники информации немедленно сообщили о взрыве иностранным корреспондентам. Террористов стали искать тоже немедленно среди московских правозащитников. На собраниях, проводимых по учреждениям и на предприятиях, а также на Запад через подставных лиц сообщали, что это – дело рук «диссидентов» [2].

МХГ созвала пресс-конференцию и передала корреспондентам заявление «По поводу взрыва в московском метро».

«Название «диссиденты» в Советском Союзе прочно закрепилось за участниками движения за права человека. Диссиденты имеют различные политические, религиозные, философские взгляды, а объединяет их то, что, добиваясь осуществления основных прав человека, они полностью отвергают насилие или призывы к насилию как средство осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением...» [2].

В анализируемом случае коммунистическая номенклатура ясно продемонстрировала всему миру грубейшее игнорирование принципа презумпции невиновности. Заметим, что ни один советский правозащитник не был арестован по подозрению в причастности к указанному взрыву, компетентные органы не привели никаких доказательств подобной причастности к нему указанных лиц. Естественно, власть потерпела моральное поражение. Ее поведение в этой ситуации резко и открыто осудил А. Д. Сахаров. Поражение организаторов провокации было чувствительным и оказало влияние на международные отноше-

ния. С советскими правозащитниками впервые открыто солидаризировалась федеральная исполнительная власть в цитадели свободного мира. В конце января 1977 года Государственный департамент Соединенных Штатов Америки официально принял сторону Сахарова в его противостоянии советской репрессивной машине. Пройдет несколько недель и то же самое сделает глава американской администрации Джеймс Картер. В начале второго квартала того же года он будет иметь беседу с глазу на глаз с соратником А. Д. Сахарова по рассматриваемому движению Владимиром Буковским.

Американцы продемонстрируют четкое и ясное понимание требований советских правозащитников и на Белградской конференции, которая приступила к работе в начале последнего квартала 1977 года. Настоящий форум был призван заняться «проверкой выполнения Хельсинкских соглашений, к которой более всего адресовались Хельсинкские группы. Позиция демократических стран не была твердой. Европейские страны не решились поддержать американскую делегацию, обвинявшую СССР в нарушении гуманитарных статей, и ослабили ее усилия. Но все-таки это была первая международная встреча на правительственном уровне, где Советскому Союзу предъявили обвинения в области прав человека. Беспрецедентной была и постановка вопроса: на Белградской конференции использовались материалы независимых общественных ассоциаций – Хельсинкских групп, то есть претензии советских граждан к своему правительству.

Это была большая победа правозащитников. Это был первый шаг правительств демократических стран Запада навстречу силам либерализации в СССР.

Данные силы в первые годы после Хельсинки ощущали некоторое ослабление репрессий, что было связано со стремлением Кремля получить кое-что взамен от Запада. Сами же репрессии, конечно же, не прекратились. В 1979 году последовала новая волна репрессий, продолжавшаяся до 1981 года.

«Отличие репрессий, начавшихся в 1979 г., от всех прежних – в одновременном наступлении сразу на все направления инакомыслия, причем всюду репрессии распространялись в первую очередь на открытые общественные ассоциации и всюду метили прежде всего по ключевым фигурам, а также по «связным» в неподконтрольном властям механизме распространения идей и информации, хорошо налаженном к этому времени. Такая стратегия репрессий обусловила их направленность на ведущих правозащитников, на ядро движения в Москве и его «ответвления» по стране» [2].

Два года самых масштабных за всю брежневскую эпоху репрессий предопределили резкое ослабление правозащитного движения. Вместе с тем не было оснований утверждать, что советское правозащитное движение исчезло. Люди, для которых главным нравственным ориентиром была совесть, в СССР оставались, и, естественно, среди них обязательно находились те, кто проявлял себя как субъект правозащитного движения.

Хельсинкский период был отмечен существенной активизацией деятельности такой структуры, как «Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям». Настоящая «деятельность привлекла к себе множество людей, которые стали добровольными помощниками Фонда; в конце 1970-х и начале 1980-х годов Фонд был одной из самых многочисленных и известных диссидентских ассоциаций» [8].

Он не намного пережил окончание эпохи Брежнева как структура, действовавшая в открытом режиме. Хорошо известно, что «распорядители и активисты Фонда постоянно подвергались преследованиям; в 1983 году в результате репрессий и провокаций открытая деятельность Фонда прекратилась» [8].

Точные подсчеты численности участников диссидентского и правозащитного движения в Советском Союзе вряд ли возможны. «По приблизительным подсчетам историков в 1967–1970 гг. и 1971–1982 гг. по «чисто» политическим статьям УК РСФСР и других республик было арестовано около 10 тыс. человек. Еще несколько тысяч оказались в тюрьмах и лагерях как «националисты», «религиозники», «тунеядцы», «нарушители паспортного режима», «злостные нарушители общественного порядка». Таким образом, к уголовной ответственности привлекалось около тысячи человек в год из числа диссидентов разных течений» [3]. Конечно, в условиях тоталитарного режима, в условиях действия изощрённейшей репрессивной машины максимальное соотношение между арестованными и неарестованными диссидентами, правозащитниками было один к одному. Если исходить из такого соотношения, можно утверждать, что к указанному движению относилось немногим более одной сотой процента населения СССР.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

«Правозащитники не добились своей прямой цели – улучшения положения по правам человека в СССР. Власти отвергли диалог, который предлагали правозащитники». Их жертвенная верность своему идеалу оздоровила нравственный климат советского общества, помогла выбиться из безвестности национальным и религиозным движениям, проложила дорогу независимой политической мысли, ныне ищущей альтернативы существующему строю на разных путях – от «социализма с человеческим лицом» до возвращения к национальным устоям» [2].

Список литературы:

1. Алексеева, Л.М. История и мировоззрение правозащитного движения в СССР и России [электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.polit.ru/tag/publ_lect (дата обращения: 12.05.2013).
2. Алексеева, Л.М. История инакомыслия в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEVA/index.htm> (дата обращения: 02.05.2013).
3. Диссидентское и правозащитное движение в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [rushist.clow.ru>4/information/165.html](http://rushist.clow.ru/information/165.html) (дата обращения: 07.05.2013).
4. Диссиденты в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [megabook.ru>Article.asp?AID=629855](http://megabook.ru/Article.asp?AID=629855) (дата обращения: 05.05.2013).
5. Жить не по лжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [ru.wikipedia.org>wi-
BY/Жить_не_по_лжи](http://ru.wikipedia.org/wiki/Жить_не_по_лжи) (дата обращения: 03.05.2013).
6. Медведев, Р. Сахаров и Солженицын [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [ihst.ru>projects/sohist/papers/med01sm.htm](http://ihst.ru/projects/sohist/papers/med01sm.htm) (дата обращения: 04.05.2013).
7. Правозащитное движение в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : stockauction.rm84145b508830df71.html (дата обращения: 14.05.2013).
8. Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [m.wikipedia.org>...общественный](http://m.wikipedia.org) (дата обращения: 02.05.2013).
9. Сахаров, А. Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» [Текст] // Знамя. – 1990. – № 2.
10. Солженицын, Александр Исаевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [ru.wikipedia.org>wiki/Солженицын,_](http://ru.wikipedia.org/wiki/Солженицын,_) (дата обращения: 02.05.2013).
11. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravozaschitnoe-dvizhenie-v-sssr-v-epohu-l-i-brezhneva-nekotorye-aspekty-istorii>.